

УДК821.161.1-31
ББК84(2Рос=Рус)6-44
К89

*Издательство благодарит фотографа Ольгу Паволгу
за фото Инги Кузнецовой (оборот форзаца)*

Кузнецова, Инга.
К89 Изнанка / Инга Кузнецова. — Москва : АСТ, 2020. —
288 с. — (Городская проза).

ISBN 978-5-17-133770-4

Сенсационный роман Инги Кузнецовой написан от лица главного героя всех новостных лент мира. И это... мыслящий вирус, тоскующий по людям.

Сюжет учитывает и официальные, и конспирологические гипотезы распространения SARS-CoV-2. Герой попадает сначала в тела животных, над которыми ведут эксперименты, а затем — в организмы Гигов, позволяя читателю видеть человеческую изнанку совершенно не так, как ее преподносит нам анатомия или психология.

Стремящийся к людям вирус открывает парадоксальные законы этого мира: познание существ неотделимо от их поглощения, а любовь неутолима. Любящему герою приходится понять и то, что из-за него умирают.

Не касается ли это и наших взаимоотношений друг с другом? Среди человеческих персонажей романа — не только самые обычные люди, но и маньяк-убийца.

Дерзкий роман переворачивает привычные смыслы, предлагая удивительную и радикально новую версию устройства Вселенной.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-133770-4

© Текст. Инга Кузнецова, 2020
© Фотографии. Ольга Паволга, 2020
© Художник. Александр Воробьев, 2020
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2020

ИЗНАНКА

Глава 1

Река

1

И я понял, что мы летим.

Из тьмы и тьмы, из гущи сырого мрака, из жирной пещерной слизи мы вырвались во что-то лёгкое, свежее и захватывающее, пахнущее желаниями, травую, жизнью. Это была уже другая — разбелённая, разреженная темнота.

Смутные холмы разворачивались под нами. Невидимые существа кричали над нами. Кто-то сумеречный, затаившийся в шелесте, зыркнул безумным глазом. Хозяин начал снижение.

Впереди блестела река. Я знал: Хозяин не видит чёрно-зелёного и буро-землистого берега и не чувствует, как прекрасен сдержанный блеск воды. Но я-то его предвидел. Да, сейчас за гигантской кроной, увеличенной тенью, перед нами

возникнет она — оборотная сторона всего, текучая бесконечность, которая меня блазнит.

Мой Хозяин летит зачерпнуть инобытия.

Уцепившись выростами за неровный покров, скрывающий от меня его возлюбленное тепло, чувствуя всепроникающую нежность к широким взмахам, обдающим меня пластами запахов, лопастями прохлады и токами усталости, я с каким-то любопытством ужаса жду, когда наконец Летучий потеряет меня.

Ведь он слышит, как шумит вода. Он боится её, но сейчас слишком хочет пить (пересохший голос разбивается на последовательность отдельных пунктов). Пить и есть. Над рекой висят существа, которым предназначено стать частицами хозяйского тела. Он поймает их. Если я что-то смутно помню об этом, значит, так уже было. Я думаю, что это прекрасная участь и что они всё понимают.

Определяя расстояние от нас и до них, Летучий Хозяин выпускает тонкую цепочку звуков. Он ждёт ответов от

всех и больше всего от реки. Но она ускользает. Береговые деревья сообщают ему всю правду о твёрдости своих стволов, а влажное травяное месиво то говорит с ним, то загадочно уклоняется от ответа.

Я чувствую траву, точно я сам — хватка моего Хозяина.

2

Звуки к нему возвращаются, тело его вибрирует.

Я боюсь разлуки и того, что сейчас она будет водой. Слабеющими выростами цепляюсь за мелко-пластинчатый покров, исчерченный и истрёпанный ветром. Покров сжимается и разжимается, сжимается и разжимается. Я на самом краю хозяйского зева, манящего мягкостью выстилки. Он близко, но я не могу двигаться. Не могу оказаться в нём по собственной воле, как бы она ни была сильна — эта моя тяга к Хозяину, тяга быть с ним, тяга быть им.

Волны бегут перед нами, а потом под нами — и зовут, зовут. Я не знаю, что

будет, если вдруг меня оторвёт от Хозяина и я упаду в бесконечность. В этот плавно-быстро-блестящий круговорот. Будет ли моя полужизнь тогда настоящей гибелью или нет? А если она будет всё-таки жизнью, с кем тогда она будет?

Я не представляю себя без Хозяина. В волне мелькает невозможная мысль о его инобытийной копии — по ту сторону воды. Но я не успеваю её додумать.

Издав короткий резкий крик, сразу улетевший вверх, и едва не сбросив меня, Хозяин совершает подлёт. И что-то тяжёлое, жёсткое тотчас сбивает меня с толку и отрывает от чешуйки покрова. Я не успеваю пропасть, даже испугаться не успеваю: прилипнув к жёсткому, я уже качусь вместе с ним к жадному, жаркому, нежному жерлу, дрожащему и отрывивающему звук за звуком, каплю за каплей. Это горло Хозяина.

Я не знаю, кто или что катит меня внутрь, в клочотание горла. Пухлый покров обнаруживает множество входов, и, не теряя ни мига, я соединяюсь с одной из возможностей.

3

То, что вкатило меня в горло-жерло, оказывается живым, и сейчас оно придаёт нам с Хозяином дополнительной тряски, сопротивляясь втягиванию и растворению в недрах.

Спасаясь от него и проникая в мягкое мокрое, раздвигая лепестки этой мякоти, я нахожу себе убежище — отдельный отсек, одна из стенок которого кажется тонкой и лёгкой для проникновения, а другие — надёжно-прочными.

Осторожно прорываю оболочку. Сквозь полупрозрачные стенки можно видеть, как в соседних отсеках роится своя тихая жизнь. Что-то движется, распухает и лопаётся; выпучивается, отделяется, скукоживается и распрямляется. Затаившись, я чувствую, что за рядами ближайших отсеков пролегают мощные жидкопроводы Хозяина. Кажется, что по ним течёт его личная бесконечность. Она задаёт ритм всему: всем выпячиваниям веществ и рождениям новых неясных полусуществ.

Тело-мир мерно дрожит, успокаивая всё живущее в нём, и постепенно моё

беспокойство гаснет. Я согрелся. С нежностью чувствую, что Летучий кого-то ест и что ему хорошо.

Я тоже наудачу всасываю маленький кусочек мякоти, выстилающей поверхность убежища. Казалось, никогда ранее я не поглощал ничего более питательного и необходимого! Мирное, близкое тепло жидкопровода расслабляет меня. Тёплое тело Хозяина — вот моя родина, настоящая родина, которую я не захочу и, кажется, уже не смогу покинуть.

4

Убаюканный сытостью, я представляю себе, как Хозяин носится над широкой рекой, заглатывая вместе с влажным воздухом громких и твёрдых существ и перемалывая их, перерабатывая под себя и накапливая упругую мякоть. А я уже живу в ней. О, как долго я стремился к этому! Как мечтал путешествовать по его телу, которое люблю!

Но сейчас меня утяжеляет усталость, клонит в сон достигнутая цель, и я решаю отложить путешествие на потом, когда свет прибавит яркости вовне и Хозяин

будет метаться, пока не найдёт себе новое укромное место или не вернётся в прежнее логово. Он успеет. Почему я в этом так уверен?

Я удивляюсь сам себе. Интересно, ждёт ли там его кто-то подобный ему? Этого я не помню. Сама мысль, допускающая возможность существ, похожих на Хозяина, кажется мне жестокой. Не понимаю, почему она мучает меня. Мне хочется, чтобы он оказался единственным.

5

А я? Я — единственный? Я представляю, как, набравшись сил, я мог бы и сам начать делиться на «я одно», «я другое» и так далее, вплоть до последнего «я» в самом конце этой живой цепочки. Эта странная идея будоражит и будит меня.

Возможно, «мы», эти множество «я», поймём нашего Хозяина быстрее — все его мельчайшие процессы, все его желания, и тогда жизнь в его мире станет отчётливей. Для меня или для всех «нас»? А может быть, всё наоборот? И, размножившись, я перестану чувствовать что-то важное? Всё сотрётся

и станет однообразным? Не будет ни прежней преданности, ни прежних желаний?

...

Слишком много вопросов.

6

Сквозь дрему дезактивации всё возникает само: Хозяин смыкает свои невидящие глаза и переворачивается вниз головой, цепляясь за свод, сделанный из скользкого мрака. И рядом — о, жестокость! — его подобия. Точно сейчас меня нет, а вместо меня разворачивается реальность, сдвинутая вперёд. Подобные Хозяину висят звериными головами вниз, сгрудившись тесно, бок о бок. Над ними — слизистый свод, под ними — крошечный мрак.

Бездна, в которую всё уходит. Наверное, раньше я слишком много думал о ней. Вот под ними она и есть. А это значит, что преданность не бесконечна, увы. До моего Хозяина у меня был другой. Перед тем как выпасть в бездну, он отдал меня новому. Может быть, он и не выбирал преемника и это произошло

случайно. Прежний хозяин что-то просвистел ему на прощанье.

Цепочка свистящих звуков, в оболочке влаги, влажного хрипа. С этой влагой из тела вылетел я. Тело прежнего Хозяина перестало быть для меня миром и кануло в бездну, которая всегда подстерегает всех.

Я упал на грубый покров нового существа и вцепился в одну из чешуек, что топорщились на поверхности. Влага высохла, а я остался.

7

...Когда прихожу в себя, оказывается, что камеры больше нет: стенки обвалились, мякоть, укреплявшая их, исчезла. Я в какой-то трухе. Кто разрушил моё убежище? Приходится прорвать оболочку соседней камеры. Она кажется мне слишком тесной. Новая? Она тоже мала. Что-то с ними не так! Что-то со мной не так...

Я открываю камеру за камерой, отсек за отсеком и не могу остановиться. В каждой и каждом я поглощаю кусочек мякоти,

совсем крошечный, и взамен оставляю часть себя — сломанный вырост или фрагмент поверхностной ткани. Не знаю, может, это и не благодарность, а извинение. А может, просто след, по которому бы я когда-нибудь мог вернуться назад, в глотку. В некоторых отсеках я устраиваю тайники. Я боюсь сделать что-то резкое. Ведь это возлюбленное тело Хозяина. Я не понимаю, как мне его беречь, и спешу узнать его.

Некоторые из отсеков похожи на склады неопределённых субстанций. Некоторые населяют полусущества, не имеющие чётких контуров. Они реагируют на меня, изменяя цвет, будто предупреждают о своей враждебности. Они точно говорят: «Мы с тобой соперники за любовь и тело Хозяина, за его возможности. Исчезни, а?» Но я не собираюсь вступать с ними ни в какое — ни дружеское, ни соперничающее — взаимодействие. Они не участвуют в наших отношениях с Хозяином, и поэтому я не обязан понимать их стремления. Я не враждебен к ним. Я нейтрален.

Странно, что я могу двигаться так быстро, зная, что Летучий спит. Он почти замер. Отсеки смещаются и возвращаются

в прежние положения плавно, точно скользят в чём-то тягучем. Жидкопроводы остыли. Перемещаясь и чувствуя всё большую тесноту внутри не успевающих за мной отсеков, внезапно я догадываюсь, что распухаю. Я не знаю, что делать.

Как остановить это? Мне страшно. Я не хочу разрушать Хозяина.

8

Мои переживания теряют всякий смысл. Мир хозяйского тела превратился в войну.

Гром и грохот, столь непохожие на речь Летучего, оглушают, сминают, скукоживают меня. Я пытаюсь двигаться, из меня выделяется жидкость. Это тщета. Ужас сушит отростки.

Всё сигнализирует о том, что имеет пределы, — и тело-мир, в котором я нахожусь и которое полюбил. Хозяин становится маленьким, а я — совсем неразличимым. Близкие жидкопроводы разогреваются так, что всякое продвижение к ним становится невозможным. Влага внутри бунтует, точно забыла, в какую сторону течь. Стенки камер обрушиваются

сами собой. Мир Хозяина превращается в беспорядочный поток разрозненных фрагментов.

9

Вдруг меня втягивает в какую-то полость и вот уже с силой тащит по длинному влажному каналу. Я завёрнут в скольжение. Невозможно ни за что уцепиться. Отростки рвутся. Тряска не прекращается: то становится более ритмичной, то снова опрокидывается в хаос.

Сквозь этот чад я узнаю слабую цепочку хозяйского голоса. И безо всякой чёткости можно разобрать отчаянье в каждой точке каждого звука.

Вместе с обрывками и обломками того, что прежде принадлежало Хозяину, меня бросает вперёд и втягивает назад, и это «назад» и «вперёд» столько раз повторяется, что в конце концов я перестаю их различать.

Глухо и грубо возникают чужие страшные голоса. Их рисунок некрасив. Они принадлежат врагам.